

УДК 82-94
ББК 63.3(2)524
P24

Вступительная статья

Публикуется по изданию:
Раскольников Ф. Кронштадт и Питер
в 1917 году. М., 1925.

Раскольников, Федор Федорович

P24 Кронштадт и Питер в 1917 году / Вступ. ст. С. И. Дробязко. — М.: Кучково поле, 2017. — 320 с. — (Библиотека русской революции)

ISBN 978-5-9950-0811-8

«Кронштадт и Питер в 1917 году» — беллетризованные мемуары известного в недавнем советском прошлом революционера и дипломата Ф. Ф. Раскольникова (1892–1939). В своих воспоминаниях автор, убежденный большевик, хорошо знавший вождя пролетарской революции В. И. Ленина, ярко и образно описывает свое участие вместе с товарищами по оружию в ключевых для России событиях, итогом которых стала победа большевиков в российских столицах.

УДК 82-94
ББК 63.3(2)524

ISBN 978-5-9950-0811-8

© ООО «Кучково поле», 2017

Федор Федорович Раскольников (Ильин) родился 28 января (9 февраля) 1892 года в Санкт-Петербурге. Он был внебрачным сыном протодиакона собора Сергия Радонежского Федора Александровича Петрова и генеральской дочери Антонины Васильевны Ильиной, одним из предков которой был герой Чесменского сражения 1770 года, капитан 1 ранга Д. С. Ильин. Обстоятельства этого не вполне обычного союза Раскольников разъяснял в своей автобиографии (1913): «Узами церковного брака мои родители не были соединены потому, что отец, как вдовый священнослужитель, не имел права венчаться вторично. Оба были люди весьма религиозные и все 19 лет совместной жизни прожили крайне дружно». На два года младше Федора был его родной брат Александр, в будущем также революционер и знаменитый советский шахматист.

Религиозность родителей, судя по всему, никак не сказалась на формировании личности Раскольникова, который с 1900 года учился и воспитывался в приюте принца Ольденбургского (с правами реального училища) и с седьмого класса считал себя убежденным атеистом. Когда Федору было 15 лет, в семье произошла трагедия: отец покончил жизнь самоубийством, вскрыв себе сонную артерию. При-

чиной послужил иск, поданный в суд прислугой, обвинившей Федора Александровича в изнасиловании. «По признанию отца и лиц, его окружавших, жалоба была неосновательна... По мнению адвокатов, исход дела был безнадежен для предъявительницы обвинения вследствие полного отсутствия улик и очевидцев-свидетелей. Но отец не дождался судебного разбирательства и на 62-м году порвал счеты с жизнью». В автобиографии сообщается, что, помимо отца, дед и дядя будущего героя революции, которые были священнослужителями, также покончили самоубийством, «как передают, из-за женщин».

В 1909 году Федор Ильин поступил на экономическое отделение Санкт-Петербургского политехнического института, где познакомился с марксистской литературой и в декабре 1910 года вступил в РСДРП, приняв революционный псевдоним «Раскольников». С этого времени он стал сотрудником легальной большевистской газеты «Звезда», а также работал в большевистской организации Политехнического института под руководством В. М. Молотова. В апреле 1912 года Раскольников занял место секретаря новой рабочей газеты «Правда», но месяц спустя был арестован и приговорен к административной высылке в Архангельскую губернию на три года, замененной высылкой за границу. Однако в Германии, куда он прибыл в октябре того же года, Федора практически сразу же арестовали по подозрению в шпионаже в пользу России. Отправившись назад в Россию «в целях подпольной работы», на границе он был вновь арестован и должен был отправиться в Архангельскую губернию, но сказался больным («нервное потрясение, вызванное тюремным заключением») и получил разре-

шение лечиться в окрестностях Петербурга, а уже в феврале 1913 года как студент попал под амнистию и возобновил свое сотрудничество в «Правде».

После начала Первой мировой войны Федор был призван на флот, но матросом служить не пошел и, несмотря на отсутствие свидетельства о политической благонадежности, в 1915 году стал слушателем Отдельных гардемаринских классов. Этот выбор Раскольников впоследствии объяснял своим намерением избежать участия в «империалистической войне», которое противоречило его убеждениям как «интернационалиста». За годы учебы ему довелось побывать в двух плаваниях на Дальнем Востоке, посетив Японию, Корею и Камчатку.

Выпускные экзамены состоялись в феврале 1917 года, и 25 марта (7 апреля) Федор Ильин был произведен в мичманы. С этого времени он целиком и полностью посвятил себя начавшейся революции, выполняя задачи, поставленные ему большевистской партией на посту заместителя председателя Кронштадтского Совета. После июльского кризиса Раскольников был арестован и помещен в знаменитую тюрьму «Кресты», откуда его освободили 13 (26) октября 1917 года, за две недели до Октябрьской революции. Свое участие в событиях с начала Февральской революции до ликвидации мятежа Керенского — Краснова и установления советской власти в Москве он подробно освещает в книге воспоминаний «Кронштадт и Питер в 1917 году», в связи с чем нет смысла останавливаться на этих событиях подробно.

Дальнейшее участие Раскольникова в революции и Гражданской войне было не менее насыщено острыми и драматичными событиями. По списку РСДРП(б) он был избран в Учредительное

собрание, на заседании которого в ночь на 6 (19) января 1918 года огласил декларацию об уходе большевистской фракции. После чего это собрание, официально облеченное полномочиями решить будущее России, но не располагавшее никакими возможностями, чтобы провести принятые решения в жизнь, было бесцеремонно разогнано грубой силой, а слова начальника караула, матроса Железнякова: «Караул устал», стали поистине крылатыми.

Назначенный комиссаром Морского Генерального штаба, Раскольников весной 1918 года стал заместителем наркомвоенмора Л. Д. Троцкого по морским делам. В июне того же года он выполнял поручение Совнаркома по затоплению в Новороссийске кораблей Черноморского флота, чтобы предотвратить их захват немцами. С июля 1918 года Раскольников уже является членом Реввоенсовета Восточного фронта, а 23 августа назначен командующим Волжской военной флотилией, действовавшей против войск Народной армии Комуча и Чехословацкого корпуса. В этом качестве он участвовал во взятии Казани 10 сентября 1918 года, ознаменовавшем перелом в ходе летне-осенней кампании на Восточном фронте, и в последующем походе флотилии по Каме. Осенью 1918 года Раскольников был включен в состав Реввоенсовета Республики — высшего органа управления и политического руководства Красной армией.

26 декабря 1918 года, находясь на Балтийском флоте, Раскольников по предложению Троцкого возглавил набег эсминцев «Спартак» и «Автроил» на Ревель с целью проведения своего рода военной демонстрации, призванной показать англичанам небезопасность их присутствия на Балтике. Однако операция закончилась полным фиаско: оба

корабля, не сумев оказать достойного сопротивления, вместе с их экипажами были захвачены британцами. В то время как сами корабли и их команды были переданы эстонцам, расстрелявшим часть советских моряков, Раскольников отправил в Англию и содержали в Брикстонской тюрьме Лондона. 27 мая 1919 года его обменяли на 17 пленных английских офицеров.

Эта история не испортила карьеры Раскольникова, который, очевидно благодаря личному вмешательству Троцкого, избежал военного трибунала и 10 июня 1919 года был назначен командующим Астрахано-Каспийской (с 31 июля — Волжско-Каспийской) военной флотилией, участвовал в боях за Царицын (лето — осень 1919 года) и лично руководил высадкой десанта в иранском порту Энзели (17–18 мая 1920 года) с целью захвата находившихся там кораблей белой Каспийской флотилии. Все это время вместе с ним находилась его первая жена Лариса Рейснер, руководившая культурно-просветительным отделом флотилии. Заслуги Раскольникова перед революцией были отмечены двумя орденами Красного Знамени, а вершиной его военной карьеры стала должность командующего Балтийским флотом, которую он занимал с июля 1920 по январь 1921 годов, оставив флот в состоянии полного разложения и недовольства большевистской властью.

Пережив в 1921 году острый душевный кризис, Раскольников навсегда расстался с карьерой красного флотоводца и получил назначение полномочным представителем в Афганистан — первую страну, установившую дипломатические отношения с РСФСР. Вскоре слишком активные и неумелые действия Раскольникова на посту полпреда вызвали протест Великобритании и требования об его

отзыве из Афганистана. Советское правительство сначала отказало британцам, но через некоторое время отозвало Раскольникову под благовидным предлогом. С 1924 года со всей своей кипучей энергией он окупился в издательскую деятельность, занимая должности редактора журналов «Молодая гвардия» и «Красная новь», а также главного редактора издательства «Московский рабочий». В 1928 году Раскольников стал председателем Главного репертуарного комитета — органа, осуществлявшего цензуру всех драматургических, музыкальных и кинематографических произведений, с 1929 года входил в состав коллегии Наркомата просвещения РСФСР и возглавлял Главное управление по делам искусства. Под его непосредственным руководством были запрещены к показу пьесы М. А. Булгакова, проводилась бездарная конъюнктурная правка произведений писателей. Попробовал он себя и на поприще драматурга, выпустив в 1930 году социальную трагедию «Робеспьер», которую сразу же начали ставить во многих театрах. Однако даже благосклонная к Раскольникову советская критика отмечала, что ему «недостает жизни и реалистичности изображения».

После этого Раскольников вернулся на дипломатическую работу, последовательно занимая посты полномочного представителя СССР в Эстонии (1930–1933), Дании (1933–1934) и Болгарии (1934–1938). К тому времени внутривластная борьба в СССР сменилась открытым террором с показательными процессами и расстрелами бывших оппозиционеров, объявлявшихся «врагами народа» и «агентами империалистических разведок». Раскольников не мог не предвидеть, что его былая связь с Троцким рано или поздно станет причиной ареста со всеми

вытекающими последствиями, и вызов из Наркомата иностранных дел СССР в Москву в апреле 1938 года воспринял как тревожный сигнал. Выехав поездом из Софии вместе со своей второй женой (Музой Васильевной Раскольниковой-Канивез) и годовалым ребенком, во время пересадки в Берлине он приобрел на вокзале газету, из которой узнал о своем смещении с должности полпреда. Предвидя неминуемый арест, Раскольников отказался от возвращения в СССР. Поселившись в Париже, он писал письма Сталину и наркому иностранных дел М. М. Литвинову, прося оставить ему советское гражданство и объясняя «временную задержку» за границей различными формальными причинами. Однако развязка неизбежно должна была наступить, и 26 июля 1938 года в эмигрантской газете «Последние новости» появилось протестное письмо Раскольникова «Как меня сделали “врагом народа”».

Реакция советских властей последовала через год. Раскольников был заочно исключен из партии, а 17 июля 1939 года Верховный Суд СССР лишил его советского гражданства и объявил вне закона, что в соответствии с постановлением ЦИК СССР от 21 ноября 1929 года влекло расстрел осужденного через 24 часа после удостоверения его личности. Ответом Раскольникова стало знаменитое «Открытое письмо Сталину», работу над которым он завершил 17 августа 1939 года. Этот яркий документ, обличавший сталинские репрессии в отношении конкретных лиц прежнего руководства большевистской партии и рядовых советских граждан, был опубликован 1 октября 1939 года в эмигрантском издании «Новая Россия» уже после смерти Раскольникова, которому сталинский режим преподнес очередной моральный удар.

скую позицию буржуазного правительства Керенского. Меньшевики и эсеры, запутавшиеся в сетях коалиции, окончательно и бесповоротно скомпрометировали себя. А наша преследуемая партия, окруженная ореолом мученичества, вышла из этих испытаний еще более закаленной, неслыханно увеличившей влияние и кадры своих сторонников.

Июльские дни и неотвратимо наступившее после них обострение классовой борьбы дали огромный опыт и многому научили русский рабочий класс.

VII В ТЮРЬМЕ КЕРЕНСКОГО

1

Первый допрос

Отведенная мне камера располагалась в первом этаже огромного второго корпуса «Крестов».

14 июля я был вызван на допрос. В особой комнате, рядом с кабинетом начальника тюрьмы, меня ожидал следователь морского суда Соколов в блестящем форменном кителе. Подавая мне лист бумаги, он с преувеличенной корректностью, невольно напомнившей мне царских жандармов, предложил заполнить показаниями официальный бланк.

Когда я закончил изложение своей роли в июльских событиях, морской следователь многозначительно информировал меня, что по старым законам, так же как по новому положению, введенному на фронте, за вменяемые мне преступления полагается смертная казнь.

— Закон обратной силы не имеет, — возразил я.

В самом деле, в момент демонстрации смертная казнь формально еще не была введена, к тому же

моя деятельность протекала в Кронштадте и в Питере, а никак не на фронте*.

Следователь недоуменно развел руками. Я догадался, что понятие «фронта», очевидно, допускает самое широкое толкование. Элементарные юридические формулировки вроде «обратной силы закона» существуют лишь в мирное время, а в эпоху революции отпадают сами собой. Мне стало понятно, что в рядах опьяненной победой и жаждой мести Временного правительства существует немало сторонников самой жестокой расправы с большевиками.

2

Встреча с П. Е. Дыбенко

В начале моего тюремного сидения я был подвешен строжайшему одиночному заключению: дверь камеры была постоянно закрыта, и на прогулку «по кругу» меня выводили отдельно, тогда как другие товарищи, сидевшие в одиночках, имели общую прогулку и даже устраивали при этом импровизированные митинги.

Во время одной из первых прогулок я увидел за решеткой нижнего подвального этажа знако-

* После Февральской революции смертная казнь в армии была отменена, но после июльских событий в Петрограде Временное правительство снова ввело ее.

мое лицо П. Е. Дыбенко. Не обращая внимания на конвойных солдат и тюремных надзирателей, спокойно остановился и на виду у всех вступил с ним в приятельскую беседу. Никто не сделал мне замечания — революция заметным образом коснулась уже и тюрьмы.

Тов. Дыбенко со свойственным ему юмором рассказал о перипетиях своего ареста и неожиданных злоключениях командующего флотом адмирала Вердеревского, убежденного сторонника Временного правительства. Получив шифровку Дудорова о безжалостном потоплении подводными лодками всех кораблей, самовольно выходящих из гавани по направлению к Петрограду, адмирал доставил ее в Центробалт, откуда она, произведя неслыханную сенсацию, распространилась по всем кораблям. Вердеревский, не имевший возможности за спиной Центробалта привести приказ в исполнение, отлично сознавал, что, даже если это ему в какой-то мере и удастся, он сам не сносит головы. Исходя из соображений чистой целесообразности и собственного бессилия, а отнюдь не из уважения к выборным матросским учреждениям, органически враждебный большевизму, но умный и хитрый адмирал Вердеревский избрал единственный доступный ему путь и адресовался в Центробалт.

Высшее морское начальство, сидевшее под адмиралтейским шпилем, было взбешено до последней степени опубликованием секретной шифровки, переданной командующему флотом в порядке боевого приказа. Лебедев, Дудоров* и им подобные усмотрели в этом акте незаконное разглашение

* В. И. Лебедев был в то время заместителем, а Б. П. Дудоров — помощником морского министра, Д. Н. Вердеревский — командующим Балтийским флотом.

военной тайны. Вердеревский был обвинен ни больше ни меньше как в государственной измене и арестован.

Впрочем, несколько позже адмирал с такой же внезапностью стал «калифом на час» и прямо из-за решетки попал в мягкое кресло Малахитового зала Зимнего дворца в качестве последнего морского министра Временного правительства. Виновнику его ареста — Дудорову — пришлось срочно ретироваться в Японию на пост морского агента.

После встречи с Дыбенко, возвращаясь в свою камеру, я встретил в коридоре матроса с «Авро-ры», тов. Куркова, и одного из членов Центробалта, Измайлова. Последний пришел в Питер на миноносце в составе делегации Балтфлота с протестом против политики Временного правительства, но был арестован и посажен в «Кресты». Впрочем, оба сидели недолго и вскоре были освобождены без всяких последствий.

3

Семен Рошаль тоже в «Крестах»

Однажды в моем «глазке» показался крупный и темный глаз, а вслед за тем я услышал хорошо знакомый мне голос Семена Рошалья:

— Здравствуй, Федя!

Оказывается, узнав, что я арестован, он тоже решил добровольно явиться в тюрьму.

— После твоего ареста я считал неудобным скрываться, — пояснил Семен.

В «Крестах» разрешалось читать газеты. Это было уже новшеством по сравнению с режимом царских тюрем. Каждое утро в мою камеру приходил кто-нибудь из товарищей и приносил огромную кипу газет. Я покупал по одному экземпляру все выходявшие в Питере издания, до бульварного листка «Живое слово» включительно.

Под предлогом одолжения той или иной газеты тов. Рошаль стал частенько подходить к моей камере.

В то время во всей печати шла лютая, неистовая травля большевиков. Безудержно и бесстыдно бульварно-буржуазные борзописцы вешали собак не только на партию, но и на отдельных ее членов, не останавливаясь перед самыми гнусными измышлениями. Изрядно доставалось при этом и кронштадтцам, особенно Рошалю и мне. Лично на меня эти нападки не производили никакого впечатления. Я только посмеивался по поводу выдвинутых против меня обвинений в семи смертных грехах. От наших непримиримых классовых врагов и нельзя было ждать ничего иного, а потому ко всем их словам, как бы возмутительны и оскорбительны сами по себе они ни казались, я относился с глубоким равнодушием.

Рошаль реагировал иначе. Он очень болезненно воспринимал каждую грязную статью, каждую заметку, приписывавшую ему нечистоплотные поступки. Помню, как одно досужее измышление языкоблудного репортера суворинского «Ве-

черного времени»* испортило ему настроение на целый день. Да и в последующем долгое время он не мог без раздражения вспоминать чудовищное извращение его биографии, злостные наветы на родных.

Такая болезненная чуткость вытекала из всей природы Семена. Под свирепой наружностью, под взлохмаченными волосами и вызывающей кепкой скрывался нежнейший романтик, немного наивный, обидчивый и неудержимо горячий во всем, что относилось до его спартанской честности.

4

Свидание с матерью и кронштадтскими друзьями

В один из первых дней заключения ко мне на свидание пришла старушка-мать. Свидания происходили, как и при старом режиме, через двойную решетку в присутствии тюремного смотрителя. Последний отличался некоторыми привлекательными чертами, в том числе нескрываемым сочувстви-

* «Вечернее время» — ежедневная газета, основанная А. С. Сувориным. Выходила с ноября 1911 по ноябрь 1917 года в Санкт-Петербурге (Петрограде) и придерживалась умеренно правых политических позиций.

ем к арестованным. Во время свиданий он часто выходил из комнаты, что в значительной степени облегчало передачу свернутых в трубочку длинных и узких рукописей, пересылавшихся мной в наши газеты.

Кроме матери, ко мне на свидание приходили три кронштадтских матроса во главе с тов. Панюшкиным. Они принесли хлеб, консервы и деньги, собранные среди команд. Этот знак внимания кронштадтских друзей глубоко меня тронул. Все присланное ими оказалось как нельзя более кстати. Деньги дали возможность ежедневно приобретать полное собрание петроградских газет и, таким образом, не отставать от текущей политики. Продукты были весьма ценным дополнением к недоброкачественному тюремному столу.

На обед нам давали тошнотворную бурду с тухлой солониной. От небольшого куска этой плававшей в супе тухлятины во рту оставалось ощущение кисловатых помоев из выгребной ямы. Нередко в результате раскопок в похлебке обнаруживались самые неожиданные предметы: мочало, человеческие волосы, мелкие сучки. В довершение всего эта загрязненная жидкость, только по недоразумению называвшаяся супом, очень часто оказывалась подгоревшей и тогда становилась абсолютно несъедобной даже для свиней. В таком случае, брезгливо поморщившись, мы немедленно выливали горелые помои в парашу.

На второе полагалась неизменная каша — «шрапнель». Суточный хлебный паек составлял около $\frac{3}{4}$ фунта на каждого. В соединении с водой это было главным питанием. Хлеб даже иногда оставался, и тогда мы охотно делились им с уголовными.

Тюремные надзиратели на недозволенное общение заключенных между собой смотрели сквозь пальцы. Во всем их обращении с нами проглядывала заметная осторожность и даже боязнь. Февральская революция, низвергнувшая царских сановников, внезапно оказавшихся в «Крестах», и передавшая часть министерских портфелей в руки бывших ссыльных и заключенных, произвела крупную встряску в умах тюремщиков. Один из них довольно откровенно высказал причины своей обходительности с большевиками:

— Вот сегодня вы в тюрьме сидите, а завтра, может быть, тоже министрами станете.

И действительно, они обходились с нами, как с министрами, инкогнито севшими в камеру одиночного заключения и до срока желающими остаться неузнанными.

Я хорошо помнил 1912 год и свое тогдашнее пребывание в Петербургском доме предварительного заключения. Прогулками заведовал у нас некий Алексей Иванович. Это был старый и многоопытный тюремщик, состоявший на службе не менее 25–30 лет. Вся его грудь была увешана крупными серебряными медалями. С окладистой бородой и в неизменной фуражке, он был живым воплощением тюремного холода. Никогда не разговаривал и не шутил ни с кем из заключенных. На губах старика никто не видел улыбки. В редких случаях он выражал внутренний смех только своими морщинами, расхлывшимися по лицу. Начиная тюремную карьеру надзиратели подобострастно обращались к нему не иначе как по имени-отчеству. И вот после революции все эти величавые «Алексеи Ивановичи», все эти официально сухие,

грубоватые и непроницаемые тюремщики вдруг скинули свои чопорные ледяные маски и превратились в ласковых розенкранцев и гильденштернов из шекспировского «Гамлета». Разница обращения давала себя знать не только со стороны мелких сошек. Даже лица высшего тюремного персонала держали нос по ветру, все время как бы принюхивались.

С увеличением шансов на победу большевиков они становились необыкновенно ласковыми к таким, как я, делали всевозможные поблажки, охотно шли на законные и незаконные льготы. Но как только им начинало казаться, что политическая обстановка благоприятствует Временному правительству, у нас тотчас отнимались все эти привилегии.

Начальником тюрьмы был тогда немолодой и, как сказано уже, слишком жизнерадостный для своей мрачной профессии прапорщик, «мартовский эсер», любивший похвастать своей революционной ролью в палисаднике Таврического дворца. Из его рассказов выходило так, что именно он и был главным руководителем и организатором февральского восстания. Бесстыдный льстец, он всегда казался нам морально нечистоплотным. Его грубое и глупое подлизывание не могло никого ввести в заблуждение. Омерзительность пищи, а позже холод сырых, нетопленных камер, водворившийся в тюрьме с наступлением осенних морозов, не без основания приписывались ему. Несмотря на вводившийся временами «либеральный» режим, вся тюрьма ненавидела его.

5

Голодовка

Вскоре у нас в тюрьме вспыхнула голодовка. Поводом к ней послужило то обстоятельство, что многим из заключенных, несмотря на продолжительный срок, истекший со дня их ареста, не было предъявлено никакого обвинения. Кроме того, выдвигалось требование большей свободы во внутренней жизни.

Решение о голодовке вынесли товарищи, имевшие общую прогулку во дворе. Рошаль и я, как изолированные в одиночках, не могли принять участия в обсуждении этого вопроса и были поставлены уже перед совершившимся фактом.

Из чувства товарищеской солидарности мы присоединились к общему решению, хотя у нас существовал свой взгляд на голодовку. Это очень трудный и опасный прием борьбы. Применять его мы считали возможным только как последнее средство. Успех голодовка имеет лишь тогда, когда все относится к ней серьезно и держатся очень упорно. Голодовки широко практиковались в царских тюрьмах, но тогдашние политические заключенные были убежденными и стойкими революционерами. А после июльских дней «Кресты» заполнились очень неоднородной публикой. Среди арестованных преобладала совсем зеленая молодежь. Немалый процент составляли жертвы слепого случая, бессмысленных захватов на улице любого и каждого по первому доносу доброхотного агента, которому часто мерещил-

ся большевизм во всяком небрежно оброненном слове.

И в первый же день голодовки наши опасения оправдались. Для многих заключенных участие в ней не было вопросом жизни или смерти. Нашлись даже такие, которые, объявив себя «голодающими», потихоньку, но с большим аппетитом уплетали тюремный обед, начинали свои желудки обильными излишками хлеба и каши за счет действительно голодавших товарищей. Наша тюремная стачка грозила превратиться в сплошной скандал.

На счастье, уже к вечеру неприятный кризис разрешился самым неожиданным образом. Голодовка политических заключенных в «Крестах» вызвала необыкновенно поспешную реакцию «в высших сферах». По распоряжению этих «сфер» наши камеры были открыты.

Мы все собрались на втором этаже для обсуждения создавшейся ситуации. Здесь оказались даже представители политических из первого корпуса «Крестов», в том числе левые эсеры Устинов и Прошьян. От имени начальника тюрьмы нам было объявлено, что на следующий день в тюрьму приедет министр юстиции А. С. Зарудный для переговоров по поводу выставленных нами требований.

Так же легко, как было принято решение о голодовке, прошло постановление и о немедленном ее прекращении. Во время непродолжительных прений выявились две противоположные позиции: большинство высказалось в пользу прекращения голодовки, но относительно незначительная группа во главе с В. А. Антоновым-Овсеенко отстаивала доведение начатой голодовки до конца. В конечном счете для переговоров с министром была выбрана